

Г. БЛАГОНРАВОВ,
комиссар Петропавловской крепости

ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ В ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ

Около одиннадцати часов утра поезд наконец подошел к платформе пассажирской станции Петроград-1 (Николаевский вокзал). Публика, суетливо толкаясь, высыпала из вагонов и устремлялась к выходу. В числе других был и я.

Вагонные разговоры и сетования обывателей на большевиков и их тактику, как жужжание назойливого комара, утомили мой слух, и я был искренно рад возможности оставить вагон. Выйдя из вокзала, я торопливо зашагал прямо в Смольный — резиденцию большевистского Петроградского Совета и Военно-революционного комитета. Всего три дня прошло с тех пор, как я выехал из Петрограда в Москву, но эти три дня — громадный срок, когда события разворачиваются с такой молниеносной быстротой. С понятным желанием сократить путь, я торопливо шагал по Суворовскому. Вот наконец и Смольный. Бросается в глаза особое оживление. Туда и обратно идут по одному и группами рабочие и солдаты. Мелькают знакомые лица. Вхожу в ограду. Здесь, грозно насупившись, стоят седые броневики; шофёры хлопчут возле них; кое-где кучки рабочих и солдат о чем-то оживленно беседуют, и некоторые из них имеют при себе оружие. Поднимаюсь по лестнице в третий этаж. На глаза попадает тов. Садовский. Обыкновенно крайне молчаливый и флегматичный, он сегодня изменил себе: оживлен, энергично жестикулирует, что-то доказывает своему

собеседнику. Увидя меня, улыбается и бросает: «Где это вы запропали, идите скорее в Военно-революционный комитет, там вы нужны». Спешу в 79-ю комнату. Тут собрались гг. Мехоношин, Еремеев, Подвойский и др. Последний подходит ко мне и, взяв меня под руку, отводит в сторону. Говорит быстро и отрывисто: видно, что дела у него больше, чем времени (в такие моменты всегда так бывает). Несколько раз нас перебивают, и Подвойский уходит для дачи распоряжений. Кратко и сжато узнаю от него о положении. За время моего отсутствия накопилось еще больше революционной энергии в массах. Сдерживать солдат и рабочих от выступления стало почти невозможно. Нужно было возглавить движение и ввести его в организованные рамки: повести борьбу против правительства Керенского так, чтобы с наименьшими потерями для пролетарских масс одержать победу и передать власть в руки рабоче-крестьянского правительства. ЦК решил действовать в этом направлении.

Военно-революционный комитет уже связался с большинством частей через своих комиссаров. Представители Петроградского Совета и Военно-революционного комитета отсутствовали всего лишь в немногих местах, в том числе и в Петропавловской крепости, — важнейшем опорно-стратегическом пункте (при уличном бое).

Отметив всё это, Подвойский предложил мне поехать в крепость в качестве комиссара. Времени терять было некогда, я дал свое согласие; на скорую руку готовится мандат.

Получаю на лету дополнительные директивы. В крепости имеется большевистская ячейка под председательством Павлова, солдата местной команды; к нему-то я прежде всего и должен направиться. Держать связь как живую (через посыльных), так и телефонную (что было гораздо труднее вследствие саботажа телефонных барышень) с Военно-революционным комитетом, с большевистским Советом Петроградской стороны и с комитетами соседних воинских частей. Жму руку товарищам и спешу в крепость. Путь лежит по набережной. Нева качит свинцовые волны. Небо в тучах. Резкий ветер пронизывает. Временами накрапывает дождь. Вдали высится мрачная серая громада крепости, утопая остроконечным шпилем в туманной мути петроградского неба. Крепость и Нева странно гармонируют своей суровостью.

Расположенная на небольшом островке, образуемом ответвлением Невы, Петропавловская крепость фронтом обращена к Зимнему дворцу, в котором находилось правительство Керенского. Если принять во внимание, кроме этого приятного соседства, еще следующее: 1) господство над Троицким и Николаевским мостами, связывающими Петроградскую сторону со Смольным, 2) громадный арсенал (со всеми видами оружия), 3) солидность крепостных стен, обеспечивающих в уличном бою от огня (даже трехдюймовых орудий), то станет вполне ясной важность обладать этим пунктом.

Керенский после событий 3—5 июля, в которых крепость играла немаловажную роль и была большевистской, принял меры к обеспечению ее за собой и ввел в нее надежные фронтовые части. Насколько он достиг этим результатов, читатель увидит впоследствии.

Между тем прохожу длинным Троицким мостом. Ветер здесь особенно рвет и, кажется, хочет сбросить вниз, в свинцовую воду Невы. С особым чувством прохожу под мрачными арками Петровских и Ивановских ворот. Вспоминаю политических узников, которые когда-то тоже проходили здесь и запирались в сырые казематы крепости с тем, чтобы больше никогда не выйти обратно. Серьезность и важность порученного дела волнуют. За воротами воротами обращаюсь к одному из проходящих солдат с просьбой указать мне, где можно найти тов. Павлова. Это, оказывается, сделать гораздо проще, чем я думал. Павлов недалеко, окруженный кучкой солдат, ведет агитацию, отчаянно жестикулируя. Отзываю его в сторону и сообщаю, кто я и зачем послан. Павлов радостно меня приветствует и несколько раз повторяет: «Вот это хорошо! Славно! А то товарищ Вишневский действует уж больно нерешительно». (Тов. Вишневский был послан Военно-революционным комитетом для временной работы в гарнизоне крепости.) Идем в помещение гарнизонного клуба крепости, который с этого момента становится штаб-квартирой как моей, так и ячейки. Здесь впервые встречаюсь с Вишневым. Узнаю от него о состоянии частей гарнизона крепости и прошу Павлова созвать экстренное расширенное заседание большевистской ячейки и пригласить на него наиболее надежных товарищей из частей. Весьма быстро публика собирается.

В маленькой комнатке очень тесно, душно и наку-

рено. Прошу сделать краткие сообщения о политическом состоянии гарнизона, составе и численности отдельных частей его. Ещё от тов. Подвойского давеча в Смольном я слышал, что настроение гарнизона крепости далеко не ровное. Теперь это подтверждается. В крепости расквартированы следующие части: артиллерийская крепостная рота (бывшая вполне лояльной, т. е. не выступавшая 3 и 5 июля на стороне большевиков), самокатный батальон (введенный в Питер после 3 и 5 июля для подавления большевиков, по мнению штаба Керенского, одна из самых надежных частей); местная команда (состоящая из сынков питерских лавочников и буржуа, враждебно настроенная к большевикам), команда складов (большевистская), батальон Кольта (большевистский), против всех ожиданий штаба Керенского, который вызвал его с фронта как одну из надежнейших антибольшевистских частей, и затем мелкие части: служащие Инженерного управления и канцелярии и, наконец, рабочие Монетного двора — всего в общей сложности около 8000 человек. Во всех докладах было подчеркнуто, что наиболее надежным и активным является батальон Кольта во главе с его командиром поручиком Жендзяном — левым эсером, что не мешало ему, однако, действовать в полном согласии с большевиками и выступить с оружием в руках против Временного правительства. Общая численность батальона Кольта достигала 1000 человек, при 80 вполне исправных пулеметах, что было больше чем достаточно. Кроме того, в резерве имелась местная команда; последняя была предназначена комендантом исключительно для производства хозяйственных работ в крепости и арсенале и потому не имела оружия. Нужно было позаботиться о ее вооружении в первую очередь. По словам товарищей, выступления враждебно настроенных к большевикам частей гарнизона ждать было трудно, за исключением, быть может, некоторых рот самокатного батальона.

Картина после заседания ячейки была вполне ясна. На вечер нами было решено созвать расширенное гарнизонное собрание. А пока нужно было установить тесную связь с товарищами кольтистами. Я предложил тов. Павлову созвать митинг в казармах местной команды и принять все меры к тому, чтобы команда Кольта об этом митинге была широко оповещена. Весть о прибытии представителя Военно-революционного комитета и Петросо-

вета уже разнеслась по крепости, и в желающих присутствовать на митинге недостатка не было. Небольшое помещение местной команды было буквально битком набито. Солдаты заняли все проходы между нарами, взгромодились на самые нары и облепили окна. Настроение сильно приподнятое, идет оживленный говор. Первый говорит Павлов. Твердые, стальные слова бьют в голову. Вижу, как напрягаются лица, горят глаза и руки нервно сжимаются в кулаки. Заключительные слова речи Павлова: «Мы по первому призыву Военно-революционного комитета с оружием в руках выйдем на улицу и низложим правительство Керенского» — буквально тонут в море общих рукоплесканий и криков.

Моя очередь. Никогда, кажется, не чувствовал себя я так хорошо. Слова льются свободно. Солдаты громко приветствуют Петроградский Совет и Военно-революционный комитет и до жуткости внимательно слушают. Ставлю вопрос резко. Указываю, что только с боем мы можем вырвать власть из рук Временного правительства; призываю беспощадно расправиться с теми, кто выступит против нас и останется по ту сторону баррикад. Вижу, что не сказал ничего нового, а лишь выразил общее настроение. Понимаю, что собравшиеся здесь не только умеют громко хлопать, но и будут хорошо стрелять. После меня выступают ораторы из среды солдат. Все как один заражены общим настроением, все готовы к выступлению по первому призыву Военно-революционного комитета. По окончании митинга идем в гарнизонный клуб, здесь знакомлюсь с тов. Жендзяном и его помощником Тарасовым-Родионовым. Особенно выгодное впечатление производит на меня Жендзян. Прошу его держать наготове для вызова взвод колытистов.

Тем временем в клуб приходит тов. Тер-Арутюнянц, назначенный еще до меня Военно-революционным комитетом комиссаром арсенала. Он крепко жмет мне руку и сообщает о своих делах. У него не всё гладко. Бывший начальник арсенала прапорщик Филиппов, по убеждению, кажется, правый эсер и любимец местной команды (о которой я говорил выше), никак не хочет считаться с Арутюнянцем и выполнять его приказания о выдаче оружия. Между тем завладеть арсеналом — вопрос первостепенной важности для нас. Уже поступают требования от рабочих на оружие, нужно их снабдить им во что

бы то ни стало. Спешим в арсенал; часовой еще у входа, несмотря на все мои и Арутюнянца доводы, не хочет пропустить. Наконец, после долгих препирательств, про-никаем в караульное помещение. Здесь нас встречает изящно одетый, выхоленный, с почти женскими руками и миловидной физиономией, прапорщик. Арутюнянц сообщает мне, что это и есть Филиппов. Рекомендуюсь ему как представитель Военно-революционного комитета и предлагаю его именем немедленно передать командова-ние караулом и заведование складом тов. Арутюнян-цу. Филиппов сильно волнуется и растерянно начинает доказывать всю недопустимость предъявленных к нему требований, ссылаясь на воинские уставы и свою офи-церскую честь. Мы продолжаем упорно настаивать и ука-зываем, что в случае нежелания подчиниться нашим тре-бованиям мы принуждены будем прибегнуть к его аресту. Видимо, эта угроза и была якорем спасения для Филип-пова. Он беспрекословно подчиняется и заявляет, что не видит иного выхода из создавшегося положения, как тот, который мы ему предложили. Но по всему его виду я чувствую, что он доволен такой развязкой; ведь теперь у него есть отговорка, что он силою снят с поста и его «офицерская честь» не пострадает.

Мы решили подвергнуть Филиппова домашнему аресту и отобрали у него оружие. Караул извещен об аресте встретил довольно спокойно, и лишь унтер-офи-цер, бывший разводящий, пытался запротестовать, за-явив, что он не имеет права, без особого приказа ко-менданта, исполнять распоряжения Арутюнянца, кото-рый принял на себя обязанности начальника арсенала. Но и это слабое сопротивление было быстро сломлено. Арутюнянц вступил в новую должность и начал энер-гично действовать, выясняя имеющиеся на складе запасы и знакомясь с постановкой дела и администрацией.

Для предупреждения всяких неожиданностей мною было дано распоряжение выслать для смены караула ар-сенала надежный взвод от команды Кольта (до этого охрану склада несла местная команда). Филиппов между тем ушел, дав нам честное слово удалиться из крепости на квартиру и не выходить из нее до моего распоряже-ния. Тов. Павлов после его ухода сообщил мне, что есть основание опасаться осложнений со стороны местной команды, в которой Филиппов пользовался большой по-

пулярностью и которая, по мнению Павлова, будучи недовольна таким оборотом дела и под давлением Филиппова, может выступить. Не знаю почему, но я не разделил опасений Павлова и был твердо уверен, что весь инцидент обойдется благополучно. Уж больно жалким показался мне этот прапорщик. Моя уверенность, как видно будет из последующего, не обманула меня.

Между тем время незаметно летит. Скоро уж и восемь — час собрания. Зал гарнизонного клуба постепенно наполняется. Присутствуют не только члены гарнизонного комитета, но и солдаты частей гарнизона. Офицеры отдельной кучкой жмутся около стола вокруг председателя гарнизонного комитета штабс-капитана Янушевского и о чем-то перешептываются. При моем приближении всякий раз замолкают. Вижу, что за моим поведением они внимательно наблюдают. Ждут событий и трусят. Зал между тем почти полный. Приходит сам комендант, полковник Васильев, старый царский рубака, типичный всенный, с зычным голосом, с самоуверенными движениями. Солдаты, за исключением некоторых изящно одетых самокатчиков, которые почтительно козыряют ему, не обращают на приход коменданта внимания. Офицеры вытягиваются и приветствуют. Наконец заседание открывается Янушевским. Первым берет слово Вишневский, потом Павлов, настроение сразу обрисовывается, и собрание делится на две части: за Временное правительство — меньшая, а большая — против. Выступает Васильев. Офицеры встряхиваются, видимо, ждут эффекта от его речи. Громко и отчетливо сыплет Васильев слова; здесь есть всего понемногу: и гибнущие в окопах братья, ждущие помощи, и его седины, и старые раны, и, наконец, ссылка на то, что представитель Военно-революционного комитета (т. е. я) — лицо безответственное. Речь свою он заканчивает призывом поддержать всемерно Временное правительство. Раздаются довольно жидкие хлопки главным образом из рядов офицерства и частично из рядов членов гарнизонного комитета (представителей самокатного батальона и местной команды).

После моего выступления и речей нескольких товарищей колытистов — большевиков собрание оканчивается с таким же успехом, как давеча в команде складов. Наша победа совершенно очевидна; иду в дежурку; страшно

хочется есть. Из беды выручает тов. Жендзян, пославший за солдатским обедом. Из Смольного звонит Лашевич и спрашивает о положении. Кратко передаю ему события дня. Несмотря на довольно позднее время, оживление в крепости громадное; начинают приходить делегации от заводов, моряков и воинских частей за оружием, приходят товарищи от Совета Петроградской стороны и соседних воинских частей и заводов для связи; телефон непрерывно трещит и приносит вести о наших новых успехах на собраниях и митингах. Иногда чей-нибудь незнакомый голос сообщает провокационные слухи о прибытии на вокзалы карательных отрядов с фронта. Но мы знаем цену этим слухам и привыкли к ним, и это нас не тревожит. Сон бежит от глаз. Ночь быстро-быстро проходит.

Утром 24-го курьер из Смольного привозит секретный пакет. Чувствую недоброе. В пакете записочка — приказ, наскоро напечатанный, за подписью тов. Подвойского, предупреждающий о том, что Керенский стягивает надежные воинские части с фронта к Петрограду и при помощи их и юнкеров хочет задавить революцию. Военно-революционный комитет призывает комиссаров быть особо бдительными и принять все меры обороны. Немедленно созываем военное совещание из крепостных¹ работников, сообщаем о полученном приказе и предлагаем срочно принять меры по охране крепости. Наспех намечаем план тех пунктов, где должны быть выставлены пулеметы, заставы и полевые караулы, даем распоряжение вооружить местную команду (оружие взять из арсенала). Намеченное быстро проводится в жизнь. Крепостная стена принимает боевой вид. Устанавливаются пулеметы для обстрела Троицкого моста и набережной; вышка Народного дома занимается отрядом кольтистов; к воротам крепости выставляется усиленный караул, а за ее стены в разные направления высылаются патрули. Команда Кольта приводится в боевой вид, идет чистка пулеметов. Получаю известие, что комендант крепости Васильев очень часто сносится по телефону со штабом Керенского, помещающимся на Дворцовой площади, — якобы имеет намерение, опираясь на часть самокатчиков и местную команду, арестовать меня

¹ Работников Петропавловской крепости. (Примеч. ред.)

и ячейку и водворить в крепости «порядок». Почти одновременно по телефону из Смольного мне позвонили и сказали, что есть основание предполагать, что в крепость для ее занятия должны прибыть казаки. Атмосфера начала сильно сгущаться.

Даю приказание тов. Кондакову и Павлову немедленно арестовать коменданта крепости Васильева и его адъютанта, снять телефонные аппараты как у них, так и вообще на офицерских квартирах. Распоряжение, несмотря на отчаянные протесты полковника и его истерику о том, что с виновниками будет поступлено по всей строгости военных законов, проводится точно и быстро в жизнь. Коменданта заперли в своей квартире и к нему приставили часовых.

Между тем происшествия сыплются одно за другим, как из рога изобилия. Прибегает вестовой из комендантской канцелярии и просит прийти туда, так как Зимний дворец срочно вызывает к телефону коменданта. Бледный и растерянный начальник канцелярии штабс-капитан Лашков, прикладывая руку к голове, на которой нет фуражки, другой показывает на стол, где лежит телефонная трубка. Тут же замечает свое неловкое отдание чести, еще больше теряется и отходит в сторону. Беру трубку и узнаю, что со мной говорит адъютант Керенского. Адъютант хочет узнать, почему не действует телефон коменданта и что вообще происходит в крепости. Сведения, по его словам, ему нужны для срочного доклада Керенскому. Прежде всего сообщаю, что он говорит с представителем Военно-революционного комитета, передаю обо всем происходящем в крепости, не умалчиваю и об аресте коменданта и прошу передать Керенскому, что крепость теперь исполняет распоряжения Военно-революционного комитета, с которым он и может в дальнейшем сноситься. В ответ слышу сначала какое-то неясное бурчание, а затем крик: «Так вы вот как... Это восстание... хорошо же!» — и трубка с размаху бросается на крючок.

Тов. Подвойский сообщает по связи, что мне для поддержки посылаются броневик. Это очень кстати. Тем временем члены ячейки уже разъяснили солдатам события; арест коменданта не вызывает никаких осложнений. Самокатчики и местная команда упорно молчат. Надо принять меры и растопить, наконец, этот лед молчания,

который не на шутку меня смущает. Было совершенно очевидно, что раскаленная атмосфера крепости и революционная энергия колытистов начали оказывать благотворное действие не только на колеблющихся (таких было много среди самокатчиков), но и на враждебно настроенных к нам лиц. Нужно было ускорить этот процесс разложения еще отуманенных фразеологией Керенского частей (самокатный батальон принадлежал к таким частям).

С местной командой дело, по-моему, обстояло безнадежно, и ее привлечь на нашу сторону было нельзя, да она и не могла быть опасной, так как за последний день почти вся разбрелась по домам (налицо была едва одна треть). Решаем устроить специальный митинг для самокатчиков и пригласить на него наши лучшие агитационные силы.

Нужно сказать, что первая попытка организовать такой митинг во дворе крепости с участием членов Военно-революционного комитета потерпела неудачу, так как самокатчики на митинг почти не явились. После мы выяснили, что главная причина их нежелания прийти заключалась в сильной офицерской эсеровской агитации, а в некоторых случаях — в запрещении начальства оставлять казармы (воинская дисциплина палочного характера еще существовала у самокатчиков даже и в это время). Случайно вышедших на крепостной двор убеждали не слушать ленинцев и вернуться в казармы. Через тов. Попеля и других самокатчиков-большевиков нами было сделано всё, чтобы вызвать на предстоящий митинг в цирк «Модерн» солдат самокатного батальона. Там-то и предполагалось выступление большевиков. Офицеры и эсеровский элемент, которого было в батальоне изрядное количество, видя, что почва начинает уходить из-под ног и масса всё равно пойдет на митинг, решили мобилизовать все свои силы и пригласили «тяжелую артиллерию» в лице полковника Параделова. Митинг состоялся в 5 часов; самокатчики были все налицо. В конце митинга громадное большинство самокатчиков высказалось против Временного правительства, за резолюцию большевиков. Вопрос с самокатчиками был, наконец, решен.

По возвращении с митинга в крепость меня ожидала целая куча новостей. На Невском юнкера задерживали рабочих. Казаки пытались неудачно развести Литейный

и Троицкий мосты. Оружие из арсенала выдавалось с прежней интенсивностью. Крепость по-старому кишела людьми. Производим осмотр подступов и решаем увеличить число караулов. Уже спускается ночь, когда мы возвращаемся обратно. Пишу донесение в Военно-революционный комитет, обмениваемся с товарищами мнениями о событиях. Ночь попрежнему проходит без сна. Всё так же весело трещит телефон и звучит оживленный говор в маленькой, наполненной табачным дымом комнате. Всем нам, работникам крепости, страшно надоело выжидательное положение последних дней. Хотелось скорее кончить и действовать немедленно и решительно. Около 12 часов дня отправляюсь на бывшем комендантском автомобиле в Смольный с твердым намерением предложить Военно-революционному комитету наступательный план действий — атаку Зимнего, в котором засело Временное правительство под охраной юнкеров и ударников. Первый, кто попался мне на глаза при входе во второй этаж, был тов. Антонов-Овсеенко. Он втащил меня в помещение Военно-революционного комитета, где у карты Петрограда, покрытой флажками, оживленно беседовали тт. Подвойский и Чудновский. Мое предложение о наступлении на Зимний не дало ничего нового, так как товарищи сами ранее меня пришли к этому.

Наскоро мы начали разрабатывать план военных действий и произвели приблизительный подсчет наших сил. Главным опорным пунктом и базой должна была быть Петропавловская крепость, которая связывалась с соседними частями и с «Авророй» (Антонов должен был ехать на «Аврору»). Воинские части должны были со стороны Миллионной улицы, Невского и других прилегающих к Зимнему улиц изолировать плотным кольцом Зимний дворец и затем по первому сигналу постепенно суживать это кольцо вокруг дворца. Против предполагаемого выступления ненадежных казачьих частей и юнкерских училищ были выставлены заслоны от ближайших большевистских воинских частей и заводов. Эти заслоны должны были парализовать возможный удар в тыл наступающим на Зимний дворец нашим частям. Провести этот план в жизнь нужно было немедленно. Общее наступление и бомбардировка Зимнего дворца должны были начаться сегодня же не позднее 9 часов вечера, после того как всё будет готово, по особому

сигналу из крепости. Подробности плана должны были выработать я и Антонов на месте.

Распределив между собой участки и командование, мы поспешили на места, так как каждая минута была дорога, а тревожные вести о подходе к Питеру преданных Керенскому казачьих частей долетали всё чаще и чаще. Антонов сразу поехал на «Аврору», стоящую у Николаевского моста, а я на одном автомобиле с Чудновским — в крепость. У въезда на Троицкий мост я простился с тов. Чудновским, отправившимся в Павловский полк, которым он должен был руководить при наступлении на Зимний. Чудновский обещал выслать от себя заставу на Марсово поле к концу Троицкого моста, а я, со своей стороны, высылать периодически патрули для связи с этой заставой и установить пулеметы для продольного обстрела моста (в предупреждение возможной попытки развода). Около бывшего дворца Кшесинской (против крепости) было заметно сильное оживление. Дворец после июльского разгрома Временным правительством большевистской военной организации, помещавшейся в нем, был занят «ударниками» и георгиевскими кавалерами — частями, преданными Временному правительству. Теперь эта публика, повидимому, к чему-то готовилась. Старший нашего крепостного патруля, узнав меня, остановил автомобиль и подтвердил своим сообщением мое впечатление о том, что у дворца Кшесинской делается что-то подозрительное. По словам старшего, ночью к ударникам приезжали какие-то автомобили; и, при проверке предъявившие пропуска ВЦИК, группами выходили люди, некоторые были вооружены винтовками. Приказываю выслать разведчиков с заданием проникнуть во что бы то ни стало внутрь дворца и, потолкавшись среди ударников, выяснить их настроение и намерения. Охотник сейчас же нашелся из среды патрульных. В крепости вместе с Жендзяном даем распоряжение выставить на всякий случай пулемет на стену, в сторону дворца Кшесинской. Операция, намеренно проделанная нами с большой гласностью и шумом, обращает на себя внимание ударников и, видимо, производит действие (до 27-го ударники оставались пассивными).

Начинаем готовиться к бою. Крепость может стрелять только из пулеметов и винтовок: орудия, грозно стоящие на парапетах, для стрельбы не приспособлены и постав-

лены были исключительно для большего эффекта (стреляла только одна пушка, заряжаемая с дула и возвещавшая время). Нужно было подумать о том, чтобы достать орудия и их установить. После недолгих поисков на дворе арсенала мы нашли несколько трехдюймовых орудий, по внешнему виду нам, не-артиллеристам, показавшихся исправными и годными к употреблению. Совместными усилиями, под предводительством Кондакова, орудия были вытащены за стены крепости в «лагери» (лагери — это небольшое пространство между крепостной стеной и Обводным каналом Невы, раньше, действительно, место для лагерного расположения частей гарнизона, а теперь просто свалочное место); выбрать иной позиции для орудий не представлялось возможности, так как без всяких приспособлений втащить орудия на крепостную стену было невозможно (поставить орудия за стенами было нельзя по причине близости цели — Зимнего, расстреливать который можно было только прямой наводкой).

С наступлением темноты Кондаков и Павлов должны были выдвинуть орудия из-за куч мусора, где мы их на время оставили, опасаясь, что они будут замечены наблюдателями с Зимнего, на заранее выбранные места у самого берега Невы. Небольшое количество снарядов к орудиям нашлось в арсенале, другая часть нами была затребована дополнительно с Выборгской стороны из склада огнеприпасов и своевременно выслана. Плохо было с артиллеристами. Крепостная рота, как я уже раньше указал, не могла считаться надежной. В последние дни командный состав роты и часть солдат — жителей Петрограда — на службу не являлись. Но выбора не было. С болью в сердце поручили мы тов. Павлову наметить несколько наиболее надежных артиллеристов и командира для обслуживания орудий и выслать их незамедлительно для осмотра орудий и выбранного нами места. Скоро ко мне явились делегаты крепостной роты и ее командир (фамилию не помню), молодой прапорщик. Они заявили мне, что уполномочены общим собранием роты довести до нашего сведения, что рота так же, как и в дни 3 и 5 июля, намерена остаться нейтральной и потому отказывается выделить артиллеристов к орудиям и вообще выступать с оружием в руках на чьей бы то ни было стороне.

Положение создалось критическое, — других артиллеристов не было. Немедленно направляемся в казармы крепостной роты. Там все в полном сборе: видимо, ждут ответа от своих делегатов. Объясняю собравшимся, что занятая ими позиция не выдерживает никакой критики, требую именем Петроградского Совета подчиниться моим распоряжениям и предупреждаю, что неисполнение их повлечет весьма нежелательные последствия. Заявление производит большое впечатление. Подтвержденные мною распоряжения о высылке потребного количества артиллеристов для осмотра орудий и производства стрельбы из них по Зимнему после некоторого колебания выполняются, и группа артиллеристов во главе с командиром роты отправляется в «лагери» к орудиям. В это время получаю сообщение о приезде тов. Антонова с матросами с «Авроры». Антонов сообщает о своем намерении подвести «Аврору» еще ближе к Николаевскому мосту, а может быть даже продвинуть ее за мост к самой крепости. Для связи крепости с «Авророй» будет выслан к Петропавловке паровой катер. Быстро намечаем детали дальнейшего плана действий. Решаем, что после того, как выясним готовность к бою всех частей, окруживших Зимний, и выдвинем орудия на приготовленные для них места, на мачте крепости будет вывешен красный сигнал (фонарь, дающий знать о готовности). После этого «Аврора» открывает огонь из орудий первоначально в воздух, в случае несдачи Временного правительства — начинает стрелять уже крепость боевыми снарядами. И только если и после этого Зимний проявит упорство, «Аврора» откроет действительный огонь из своих орудий. Составляем ультиматум Временному правительству о сдаче, даем ему срок на размышление — двадцать минут с момента вручения ультиматума.

Ультиматум подписывается Антоновым и мною. Передачу берет на себя охотник из самокатчиков. Время посылки определяем за полчаса до сигнала о полной боевой готовности крепости и частей, окружающих Зимний. Наконец Антонов уезжает. Катер для связи с «Авророй» пришел своевременно. Стемнело. Непредвиденное и мелкое обстоятельство нарушило наш план: не оказалось фонаря для сигнала. После долгих поисков таковой нашли, но водрузить его на мачту так, чтобы он был хорошо виден, представило большие трудности, — и Тре-

губович, который за это дело взялся, страшно нервничал из-за неоднократных неудач.

Я отправился тем временем к орудиям. Октябрьская ночь вступала в свои права; фонари мерцали тусклым светом, и лучи их дрожали на темной зыби Невы; жизнь города шла обычным порядком; трамваи с резким звоном и шумом вереницей тянулись через Троицкий мост; мелькали автомобили и фигурки пешеходов; ничто не предвещало Октябрьского боя. Кучка артиллеристов жалась у стволов громадных ветел, оголенных от листьев осенним холодом. Орудия в нескольких шагах чернели неподвижной массой.

Мне показалось, что при нашем приближении разговор сразу стих и артиллеристам как будто стало не по себе. Подходим ближе. Навстречу выходит прапорщик и докладывает, что стрелять из орудий нельзя, так как они в неисправности, — в компрессорах нет ни капли масла и при первом выстреле их может разорвать. Подозреваю подвох. Волна страшной злобы ударяет в голову, рука против воли тянется к нагану, но во-время сдерживаюсь. Расспрашиваю. Фейерверкер и артиллеристы в один голос подтверждают то же самое. Я ничего не понимаю в орудиях и потому беспомощен уличить артиллеристов во лжи; вспоминаю, что Павлов имел какое-то отношение к орудиям, решаюсь поручить ему произвести еще раз обследование и в случае, если сообщение о негодности орудий не подтвердится, расправиться с виновниками по всей строгости. Эти свои соображения я и сообщил артиллеристам. Последние выслушали меня, повидимому, спокойно и даже с радостью приняли мое сообщение о назначении Павлова для обследования орудий. Прапорщик сказал мне на прощанье: «Вы, конечно, не верите мне, но даю вам слово, что я говорю чистую правду, — стрелять из орудий крайне опасно». Между тем со стороны Зимнего начали слышаться ружейные выстрелы — сначала редкие, потом всё чаще и чаще. По связи мне сообщили, что перестрелку ведут павловцы с засевшими во дворце юнкерами. Из Смольного мне несколько раз звонили и указывали на необходимость немедленно начинать.

Несмотря на то, что не всё готово, отправляю с товарищем ультиматум во дворец. Вдруг дверь дежурной комнаты широко распахивается настежь и в нее влетает

Антонов, страшно встревоженный. Он набрасывается на меня с упреками за то, что я долго не начинаю. Кратко объясняю создавшееся положение, предлагаю пройти к орудиям, возле которых уже орудует Павлов. Темень на дворе еще больше сгустилась. Недавно прошедший дождь налил громадные лужи, по которым мы шлепали самым беспощадным образом. Со стороны дворца слышалась сильная ружейная перестрелка, изредка строчил пулемет. Стреляли и наши с крепостных стен бесцельно в сторону набережной и Зимнего сада, откуда изредка вспыхивали ответные ружейные огоньки юнкеров. Антонов, имеющий довольно слабое зрение, то и дело попадал в лужу, грязь каскадами летела во все стороны. Антонов и я быстро облепились ею. За страшной темнотой мы сбились с дороги и некоторое время блуждали по закоулкам крепости. Особенно ясно помню один из моментов этого печального путешествия. У одного из слабо мерцающих фонарей у стены крепости Антонов вдруг остановился и пылливо поверх очков, почти в упор, взглянул на меня. В его глазах я прочел затаенную тревогу. Вот и орудия. Павлов и Кондаков подтверждают мне всё, сказанное артиллеристами. Даже при свете керосиновых ламп они заметили большую ржавчину на частях орудия и отсутствие масла в компрессорах: стрельба, несомненно, была сопряжена с громадным риском. Что же делать? Найдется ли товарищ, умеющий стрелять и жертвовать жизнью для революции? (Такие товарищи, как видно будет из дальнейшего, нашлись.)

Где-то вдалеке шлепают по грязи ноги бегущего человека, ближе и ближе. Вот слышно, как он споткнулся и упал, раздаётся громкое ругательство и веселый возглас: «Товарищ Благоданов, где вы?». Радостью дышит этот голос. Дурманящая весть: «Зимний сдался, и наши там». Что-то большое ударяет мне в голову; кажется, почва уходит из-под ног; бессонные ночи тут тоже сказались. Антонов слегка поддерживает меня и крепко сжимает мне руку. Идем в гарнизонный клуб. Товарищ, посланный давеча с ультиматумом, уже возвратился и сообщил, что поручение им выполнено. Выстрелы, однако, не прекращаются, но я успокаиваю себя мыслью, что это отстреливаются отдельные юнкера. В дежурной комнате ко мне обратились двое матросов, предъявившие мне записку за подписью Лашевича о том, что

они — артиллеристы и посылаются в мое распоряжение. «Теперь уж поздно, товарищи, — говорю им: — Вот если бы вы пришли часа на два пораньше, так очень бы пригодились».

Рассказываю историю с орудиями. Они говорят, что хотя и не специалисты по полевым орудиям (матросы на полигонах, — а товарищи были именно с полигона, — учатся, главным образом, обслуживать крепостные и морские орудия), но тем не менее считают, что стрелять из трехдюймовых с некоторым риском было бы можно.

Решаю поехать лично во взятый дворец. Снаружи почти тихо, лишь изредка звучит одинокий выстрел и огненная вспышка режет темноту ночи. Выхожу за крепостные ворота. На мостике отчаянно тарахтит чей-то автомобиль, ослепивший меня светом своих прожекторов. Подхожу ближе, узнаю товарищей Подвойского и Еремеева: они объезжали действующие части и заехали в крепость, чтобы узнать о положении. Сообщаю им весть о взятии Зимнего. Решаемся ехать вместе к Зимнему. Сажусь в машину; быстро летим через Троицкий мост, Марсово поле, по Миллионной улице к дворцу. По обеим сторонам на тротуарах разбросаны солдаты Павловского полка, а ближе к мостику через Зимнюю канавку мы наезжаем на правильно раскинутую цепь. Нас окликают и задерживают. Объясняем, кто мы. Передаем весть о взятии Зимнего. Известие встречается с большим недоверием, голос из цепи авторитетно заявляет: «Какой там сдались, недавно оттуда нас здорово шпарили, опасно туда ехать». Но мы остаемся при своем мнении: решаем, что Зимний взят частями, действующими со стороны Невского, что цепь просто не осведомлена, а стрельба, о которой говорил товарищ, относилась к периоду более раннему.

Катим дальше. Вслед нам несутся предостережения товарищей быть осторожнее. Шофёр замедляет ход. Кругом тишина. Вот автомобиль почти подходит к арке Эрмитажа, и в этот же момент раздаются громкие «ура», рой пуль со свистом летит над автомобилем, а несколько пулеметов со стороны дворца начинают отчаянно стрелять. Наш шофёр, будучи человеком смелым и увидя, что дело принимает опасный оборот, моментально останавливает машину и дает задний ход. Я и Подвойский опускаемся на дно машины, чтобы не быть слишком

большой мишенью для пуль, а Еремеев, сидевший вместе с шофёром, выпрыгивает на мостовую и растягивается там по всем правилам воинского устава. Через мгновение мы пролетаем мостик через Зимнюю канавку, и уже минует опасность, так как за мостиком почва значительно понижается и пули не могут нас поражать.

Благополучное окончание происшествия главным образом объясняется тем, что юнкера слабо приспособились к продольному обстрелу Миллионной улицы, сильно нервничали, а главное потому, что шофёр оказался человеком с громадным самообладанием. Павловцы, встревоженные сильным огнем, тарахтением пулеметов, шумом машины и криками «ура», которые неслись со стороны дворца, подумали, что против них перешли в атаку, и открыли беглый и беспорядочный огонь в сторону дворца вдоль Миллионной, причем в некоторых группах их произошло замешательство и они начали отходить к Марсову полю. Наше положение было весьма незавидное: мы попали под обстрел своих. Пришлось остановить автомобиль и обратиться с речью к павловцам. Заминка была быстро ликвидирована. Как потом оказалось, сообщение о взятии Зимнего было ложно, был взят только штаб, помещающийся на Дворцовой площади против дворца. Нами было решено немедленно открыть интенсивный огонь из крепости (я мог обещать это сделать, так как помнил о присланных мне артиллеристах-моряках).

Тотчас по возвращении я сообщил морякам о положении и о том, что от них требовалось. Одновременно распорядился открыть сосредоточенный пулеметный огонь вдоль набережной и по дворцу. Скоро треск выстрелов показал мне, что приказание с точностью выполнено. С орудиями тоже всё было готово. Невесело чувствовали себя обитатели Зимнего. Огни во дворце давно потушены, чтобы не привлекать наше внимание и не указывать цель. Изредка свистит шальная пуля над головой. Так проходит с полчаса.

Чудновский сообщает по телефону о взятии Зимнего. Наученный горьким опытом, отнбшусь к этому сообщению скептически, но всё же даю распоряжение прекратить стрельбу из боязни подстрелить своих. Навожу справки по телефону, получаю подтверждение, сообщения о взятии Зимнего. Радостная весть быстро распространяется по крепости. Антонов-Овсеенко присылает

записку с просьбой приготовить камеры в Трубецком бастионе для арестованных министров Временного правительства. Среди ночи, под усиленным конвоем революционных рабочих и солдат во главе с Антоновым, вступает исторический кортеж пленных министров в стены Петропавловской крепости. В маленьком зале гарнизонного клуба при свете дымной керосиновой лампочки (электричество было испорчено) устраивает Антонов переключку бывшим людям. Чинно сидят они по скамейкам, и темные блики дрожат на их бледных лицах, и такими ничтожными и жалкими они кажутся среди этой радостной окружающей их толпы рабочих и солдат. Почерневшие от грязи и пороха, с блестящими глазами и веселой речью, бодро стоят представители восставшего народа с винтовками в руках. Какой разительный контраст! Неповторяемое зрелище! Антонов заканчивает все формальности: пленников ведут по камерам. Глухо хлопает за ними тяжелая дверь Трубецкого бастиона. «Туда вам и дорога», — слышу я возглас одного из товарищей. «История, — подумал я, — скажет то же». Весело прощаюсь с Антоновым и спешу в помещение, чтобы впервые после бессонных ночей отдохнуть несколько часов.

Дни 26—28 октября были для Петропавловской крепости не менее оживленными и напряженными, чем предыдущие. Керенский, успевший своевременно улизнуть с сотней казаков из дворца, наступал теперь на Питер с красновскими казачьими частями. Нужно было новое напряжение сил, чтобы организовать оборону подступов к Петрограду и сделать сам Питер пригодным для уличного боя. Крепость и теперь должна была быть осью внутренней обороны. В ней сосредоточивались наиболее крепкие части, в ней ожидалось прибытие с часа на час артиллерии из Выборга.

То и дело подходили подводы и грузовики со снарядами и патронами, подвозимыми со склада огнеприпасов, что на Выборгской стороне. Отдаленность этого склада и плохая дорога к нему заставили нас создать запасный склад снарядов в крепостных стенах. С подвозом снарядов, однако, не всё обстояло хорошо; потребовалось проявление максимума энергии и решительности в отношении администрации склада, чтобы заставить ее отказаться от саботажа, организовать приличным образом

отпуск и погрузку снарядов. В связи с этим мне и другим товарищам пришлось неоднократно выезжать на склады и подолгу там дежурить. Одного из помощников начальника склада огнеприпасов пришлось арестовать и отправить для примера другим на выsidку в крепость. Мера оказалась действительной: у администрации склада появилась бо́льшая энергия.

Между тем питерские контрреволюционеры отнюдь не считали свое дело конченным и не признавали себя окончательно разбитой стороной; а присутствие возле Питера красновских банд подливало новое масло в огонь разбитых первым натиском Октябрьской революции мечтаний. Чиновники отказались работать, на улицах, в особенности на Невском и Литейном, велась отчаянная белогвардейская агитация, столбцы желтой прессы пестрели истерическими выкриками по адресу большевиков, и чуть не во всех газетах предсказывалось неминуемое падение Советской власти через несколько дней и даже часов. Словом, вся свора громко затыкала и готовилась к нападению с тыла на нас. Мы ни на минуту не ослабляли охрану Петропавловской крепости, наоборот, даже усилили ее, вызвав из Смольного для постоянного дежурства два броневика, которые (обещанный нам перед взятием Зимнего броневик не был прислан) Военно-революционный комитет через несколько часов нам прислал. Обоим суждено было принять, и не без успеха, участие в бою (броневик «Ярославу» — против Владимирского училища, а «Гарфорду» — против юнкерского броневика «Ахтырка»). Временно мы разместили броневики у крепостных ворот и установили на них дежурства шофёров и пулеметчиков с тем, чтобы они по первому требованию могли двинуться в бой.

Обращаем внимание на охрану министров. Тюремщики, которые охраняли министров Временного правительства, служили в крепости еще при царе и довольно ревностно, из боязни репрессий с нашей стороны, а отчасти по привычке, исполняли свои обязанности. Не то было со стороны офицеров, назначенных в бастион уже при Керенском. Янушевский (бывший председатель гарнизонного комитета) был как раз заведующим Трубецким бастионом, он с явным сочувствием относился к судьбе «несчастных узников», и я боялся, как бы он не помог министрам удрать из бастиона. Для предупреж-

дения всяких неожиданностей назначаем заведующим тюрьмой тов. Павлова, а его помощником Кондакова. Эти товарищи с успехом справились с возложенной на них задачей. К этому времени в крепость приехал тов. Склянский, которому было поручено организовать доставку артиллерии и снарядов на фронт (против Краснова из Петрограда были направлены многие рабочие и солдатские части, которые и образовали подобные фронты), расположился у нас в дежурной комнате и начал орудовать вовсю. Стало еще тесней и шумней. В дни 26 и 27 мы чувствовали себя как в водовороте: приходили отряды за вооружением, отправлялись части из крепости на фронт, прибывали новые (приехали и выборжцы), всех нужно было накормить, разместить и дать соответствующее распоряжение. Кроме того, шли совещания в Военно-революционном комитете и митинги. С фронтом связь была довольно слабая, и информация о военных действиях была далеко не полная. По всем данным, казаки не продвинулись сколько-нибудь значительно вперед.

На ночь я решил удвоить бдительность: кругом крепости были расставлены сильные заставы и посланы довольно глубоко патрули. Особенное внимание было уделено охране Троицкого моста. Полевые караулы были выставлены на вышке Народного дома и на бывшем дворце великого князя Николая Николаевича. Со всеми соседними частями и Советом Петроградской стороны поддерживалась непрерывная связь. Телефонная станция стала работать значительно лучше, так как на нее Военно-революционным комитетом был назначен наш комиссар. Нас крайне беспокоил бывший дворец Кшесинской; его обитатели не угомонились, и хотя вид пулемета, как помнит читатель, удержал их однажды от выступления, однако расчет на моральные эффекты был не всегда надежен. Мы имели сведения, что у ударников имеется большое количество винтовок и пулеметы и что они определенно ищут случая выступить.

В эту ночь у меня было какое-то недоброе предчувствие. Не ограничиваясь принятыми мерами, я лично проинструктировал караулы и обошел посты, дав распоряжение особенно зорко наблюдать за особняком Кшесинской и при малейшей подозрительной заворошке докладывать. Возвратясь в дежурную комнату, занялся

чаепитием, просмотром сообщений (которыми обменивались между собой) от комиссаров соседних частей о состоянии их участка. Из Смольного получают вести о последних событиях, — на фронте всё обстоит благополучно. Приходит Павлов из Трубецкого бастиона и начинает рассказывать о поведении заключенных министров. На самом интересном месте его рассказ был прерван приходом писаря самокатного батальона с двумя самокатчиками. Весьма решительно и развязно явившиеся подходят к столу, где мы расположились, и заявляют: «Самокатный батальон требует обеспечить личную безопасность министров Временного правительства: у самокатчиков имеются сведения, что на министров сегодня или в ближайшие дни будет произведено покушение. Для защиты их самокатчики желают взять караул на себя». Павлов, будучи весьма горячим, вспыхнул и, вскочив, со сжатыми кулаками и ругательствами набросился на писаря. С большим трудом удалось несколько умирить его пыл. Разъясняю самокатчикам, что они введены в явное заблуждение, что никакой опасности министрам не грозит, но что всё-таки мы примем меры усиления патруля и вызовем дополнительный взвод солдат от команды Кольта, которая уже и несет караул в бастионе. Делегация, видимо, была недовольна такой постановкой вопроса, но ничего, кроме этого, добиться не смогла и, недовольная, ушла.

Для всех нас было совершенно ясно, что тут дело не чисто и существует какая-то махинация. Я заподозрил, что самокатчики желали занять караул с целью освободить министров. Наряд кольтистов, за которыми было немедленно послано, пришел и занял скоро все входы и выходы Трубецкого бастиона. Кольтистам было дано категорическое распоряжение никого не впускать и не выпускать из тюремного помещения, кроме Павлова. Всех лиц, нарушивших это постановление, задерживать и доставлять к нам, а в пытающихся бежать — стрелять. Как раз после этого эпизода в крепость заехал Карахан, решившийся остаться у нас до утра, так как ехать по городу к Смольному было далеко небезопасно: юнкерские патрули шныряли по улицам и кое-кого даже арестовывали, бандиты тоже пошаливали. Из Военно-революционного комитета поступило сообщение, что на фронте в некоторых местах произошли стычки между

нашими и казачьими частями с перевесом на нашей стороне.¹

Часов около трех ночи в дежурную вошли наши патрульные, ведя за собою двух человек: одного военного в лохматой шапке, а другого, маленького, в штатском. Патрульный — красногвардеец — сообщил нам обстоятельства, при которых эти два типа были задержаны. Оказалось, что штатский приехал на автомобиле к дворцу Кшесинской, оставил автомобиль у ворот и отправился во дворец; пробыв там около часу, вышел обратно в сопровождении военного. Шофёр уже двинулся, когда был остановлен нашим патрулем. Обоих граждан сняли с машины и доставили в крепость, причем по дороге штатский всё время пытался что-то выбросить из бокового кармана, но этот маневр ему не удался, так как был вовремя замечен конвоирующими. Мы пристально разглядывали приведенных. Военный сильно волновался и озирался по сторонам, штатский был более спокоен, но бледность его лица говорила о напряженности и нервности его душевных переживаний. Вдруг Карахан, сидевший рядом со мной, засмеялся и протянул руку штатскому со словами:

«Ах, это вы, а вас я и не узнал; тут, вероятно, недо-
разумение. Это тов. Брудерер, которого я хорошо
знаю», — добавил он, обращаясь ко мне. Несмотря на
это, казалось бы, авторитетное заявление и протесты и
ироническую улыбку недоверия Карахана, я приказал
тщательно обыскать задержанных. Из их карманов из-
влекли большое количество разного рода бумаг, и на
столе скоро образовалась небольшая кучка. Я стал про-
сматривать всё вынутое; на некоторых бумагах видне-
лись следы свежих надрывов, а другие были скомканы.
Дело начинало разъясняться. Первая попавшаяся раз-
вернутая мною бумажка была приказ полковника Пара-
делова с призывом к выступлению сегодня утром против
большевиков; далее шла дислокация частей, которые
должны были принять участие в восстании. Я не мог

¹ После выяснилось, что самокатчики в целом никакой деле-
гации не посылали, а инсценировку посылки делегации от баталь-
она проделала незначительная кучка меньшевистских и эсеровских
элементов, надеясь взять охрану в свои руки и, пользуясь заворощ-
кой (это было в ночь восстания юнкеров), освободить министров.
(Примеч. автора.)

скрыть охватившего меня возмущения. Карахан, узнав, в чем дело, сидел сильно смущенный. Пленные чувствовали себя, по всем признакам, не особенно хорошо. Судя по документам, восстание должно было начаться с рассветом и в нашем распоряжении было всего три-четыре часа.

За это время надо предупредить Военно-революционный комитет и принять общие меры по городу по ликвидации мятежа. Заказав машину для поездки в Смольный, я тем временем учинил краткий допрос арестованных. Штатский назвался членом ВЦИК, правым эсером Брудерером и от дальнейших показаний отказался, молодой — ударником из дворца Кшесинской; ударник дал мне кое-какие сведения и обещал рассказать всё, что он знает. Между тем машина была уже готова, ни минуты времени терять было нельзя, и я решил захватить ударника с собой в Смольный. Все отобранные документы я положил в боковой карман своей шинели. В тот момент, когда я уже выходил, поступила неприятная новость: юнкера напали на Михайловский манеж, — оттуда срочно просили помощи.

В Михайловском манеже стояли наши броневые машины, и если бы нападшим удалось захватить их, наше положение в предстоящем уличном бою было бы крайне незавидно. Высылаем против юнкеров броневик (броневик пришел уже после того, как юнкерам удалось увести две бронемашин), сам спешу в Смольный. Моя жена, всё время разделявшая со мной работу в крепости, выражает желание ехать вместе со мной. Впятером (двое патрульных, арестованный ударник, я и жена) садимся в машину и трогаемся. Ночь такая, что ничего не видно в нескольких шагах. К этому добавляется обычный питерский туман. Несколько раз нас останавливают патрули; с тревогой всматриваемся им в лица и сжимаем револьверы: свои ли? Но пока идет всё благополучно.

Около Литейного моста машина капризничает и останавливается; несмотря на все старания шофёра, пустить ее не удастся. Видимо, засорилась карбюрация. Прождав около пятнадцати минут, мы решились двинуться дальше пешком; тем более, что, оставаясь посреди улицы у машины, мы могли привлечь внимание патрулей противника. Разделяемся на две группы: я с женой пошел по правому тротуару Шпалерной улицы, а арестованный

с конвоирами двинулся посредине улицы, немного позади нас. Мгла попрежнему непроницаема; проходим мимо какого-то дома, верх которого тонет во мраке, а подвальные окна, лишенные стекол, даже ночью зияют. На тротуаре валялись обломки кирпича и разбитого стекла. Ни в одном окне не горел свет. Временами я ощупываю ручку нагана под шинелью; осторожно продвигаемся вперед.

Неожиданно темноту пререзает яркий свет электрического фонаря и раздается громкий оклик: «Кто идет!». В первое мгновение я ничего не вижу и жмурюсь. Луч света соскальзывает с моего лица и падает на жену; я различаю каски, формы ударников и сверкнувшие офицерские погоны. Нас окружают со всех сторон. Одно хладнокровие может нас спасти. «Ваши документы, — между тем продолжает, повидимому, начальник отряда, — откуда и куда идете?» Жена делает попытку что-то сказать, но я предупреждаю ее. Вынимаю билет, удостоверение ВЦИК первого созыва, членом которого я состоял (на билете не указывается партийная принадлежность). Офицер внимательно рассматривает удостоверение и еще раз наводит луч фонаря на меня. Обращает внимание на мою офицерскую шинель. Я стараюсь придать своему лицу самое беспечное и спокойное выражение и сообщаю, что иду с женой из гостей домой на Кавалергардскую улицу. Офицер верит и, слегка козырнув, пропускает нас. Беря жену под руку, я удаляюсь намеренно медленно, чтобы не возбудить подозрения. Как то пройдут товарищи с арестованным? Почти в это мгновение конвоиры окликнули меня и спросили: верно ли мы идем? Я ответил, что верно. Одного упоминания о Смольном было бы достаточно, чтобы мы в него не попали, быть может, никогда. Однако и тут нас спасла случайность. Наши переговоры были услышаны юнкерской заставой, и я разобрал брошенную кем-то фразу: «Как отойдут, в спину». Это относилось к нам. Меняю с женой место и толкаю ее ближе к домам.

Между тем товарищи, идущие по дороге, ничего не подозревая, уже прошли заставу, не будучи ею задержаны. Начальник заставы снова окликает нас и предлагает вернуться. Идти или нет? Решаюсь возвратиться, торопливо прячу наган. Несколько мгновений начальник заставы молча стоит против нас, а затем с досадой в го-

лосе говорит, обращаясь к кому-то в темноту: «Ну, вот, господа, я говорил же, что это ерунда. Разве стали бы они возвращаться добровольно обратно? Простите за беспокойство, — говорит он в нашу сторону, — пожалуйста, проходите». Думаю, запел бы ты, батенька, если бы ты знал, с кем говоришь и какие документы лежат вот тут в кармане. Стало очень весело. На этот раз мы беспрепятственно удалились. Отойдя на почтительное расстояние, я окликнул товарищей-конвоиров и, подойдя к ним, рассказал им, из какой ловушки мы выбрались.

У ворот Смольного горит костер, языки пламени режут ночной туман, бросая вокруг отсвет.

Здание Смольного приветливо горит огнями. Ударники и опасность остались позади во мраке. У входа дежурили красногвардейцы, предъявляю им свой документ и вхожу в Смольный. В Военно-революционном комитете нахожу товарища Подвойского. Никогда я не видал его в такой ярости, как после моего сообщения о предстоящем восстании. Совместно с ним мы начали допрашивать ударника; он сообщил нам кое-какие детали к тому, что давеча мне сказал, но не дал ничего особенно ценного. Приступили к просмотру документов. Через несколько минут во все районные Советы, воинские части и заводы летит предупреждение о восстании с точным указанием училищ и казачьих частей, которые должны выступить. Затем здесь же была написана листовка к населению Петрограда. Листовка была выпущена типографией и расклеена рано утром, еще до начала выступления. Со спокойной душой я уехал обратно на автомобиле и без всяких приключений добрался до крепости. Немедленно по приезде даю распоряжение колытистам строиться и идти для разоружения Владимирского и Павловского училищ — по плану, главных очагов восстания. Сношусь по телефону с Советом Петроградской стороны и прошу его о высылке подкреплений для той же цели. Несмотря на быстроту наших действий, времени было уже много и владимирцы напали на нас раньше, чем мы их окружили. Прибежавший с Большого проспекта товарищ сообщил нам, что юнкера напали на музыкантскую команду Владимирского училища, которая перед этим разоружила юнкеров, отобрали у нее обратно винтовки и пулеметы и убили нескольких солдат, оказавших сопротивление. Медлить было нельзя. Бельмом на глазу

были ударники дворца Кшесинской; мы решили их разоружить во что бы то ни стало. Между тем кольтисты и часть моряков уже начинали строиться с веселыми прибаутками, вытаскивая пулеметы.

На Соборной площади выборжцы привязывали трехдюймовое орудие к грузовому автомобилю и накладывали в автомобиль снаряды. Дело с привязыванием орудия у них спорилось плохо: веревка была слишком коротка. Чтобы не терять зря времени, отправляем против юнкеров броневик «Ярослав» с целью приковать их до прихода пехотных частей к училищу и не дать возможности распространиться по улицам. В броневик, кроме пулеметчиков и шофёров, сел еще тов. Павлуновский (старый испытанный партийный работник), в это время приехавший в крепость. Павлуновский намеревался предъявить ультиматум юнкерам о сдаче и в случае отказа открыть по ним огонь. Машина затарахтела и тронулась, сопровождаемая градом пожеланий успеха со стороны собравшихся. Между тем я послал донесение в Смольный о событиях. Из Совета Петроградской стороны пришло известие, что наши ведут ружейную перестрелку с юнкерами. Кольтисты и моряки готовы и уже выступают с орудием. Как только принесли откуда-то крепкую проволоку, дело пошло лучше, с минуты на минуту орудие могло быть тоже двинуто. Я передал свои комендантские обязанности тов. Павлову, сел в легковую машину и вместе с несколькими товарищами отправился к училищу.

Орудие тронулось за нами; грузовик, буксировавший его, наполнен артиллеристами. Мы далеко оставили за собой грузовик и быстро неслись по улицам к училищу; в одном из переулков попали под обстрел, но благополучно миновали опасное место. Сильная ружейная и пулеметная стрельба уже отчетливо слышалась со всех сторон; мы слабо знали расположение наше и противника.

Мимо быстрым ходом прошел броневик «Ярослав»; наша попытка его остановить не удалась. Судя по скорости, с которой он шел в обратную от училища сторону, по странному положению одного из пулеметов и сильно исковыренной пулями защитной окраске, видно было, что с ним случилось что-то неладное. Между тем стрельба всё усиливалась. Начинали летать пули. По улицам были

разбросаны кучки вооруженных людей. Эти люди, не соблюдая элементарных правил военной предосторожности, во весь рост, не пользуясь прикрытием стен, бежали вперед. На улицах уже валялось несколько раненых и убитых, их подбирали красные сестры. Автомобиль остановился в нише ворот, мы вышли из него.

Прежде всего задаемся целью выяснить, кто командует наступающими. Оказывается, начальника нет. Многие явились добровольно с винтовками на звук выстрелов, другие проходили мимо и приняли участие в перестрелке, часть прибыла из района. Назначаю командиром какого-то старого матроса с «Авроры» и рассыпаю цепь вдоль улицы, даю указание занять окна соседних домов. Наступления пока не вести, но и не давать юнкерам возможности ни на шаг продвинуться вперед. Попытки расширяться и занять плацдарм перед училищем юнкера, оказывается, уже делали, но неудачно. Натиск их был неуверен и крайне слаб. Сейчас они тоже пытались вылезти из-за угла, но сосредоточенным огнем цепи были отбиты.

На время наступает затишье, и лишь одинокие пульки изредка свистят над головой. Обходим всю прилегающую к училищу местность и убеждаемся в энтузиазме осаждающих и прочности кольца, в которое попали юнкера. Орудия всё еще нет; брать же юнкеров, засевших за толстыми стенами училища и хорошо вооруженных, голыми руками было больше чем невыгодно. Медлить тоже было нельзя. Больше всего мы опасались помощи со стороны павловцев (Павловское училище находилось почти рядом с Владимирским), которые пока были пассивны, и ударников дворца Кшесинской. Решаем без орудия всё-таки попробовать наступать, но попытка кончается неудачей, так как юнкера развивают весьма сильный огонь. Приезжают ответственные товарищи из Совета Петроградской стороны; образуется нечто вроде штаба. Теперь, кажется, тут всё крепко. Едем обратно в крепость.

По дороге, уже недалеко от Большого проспекта, встречаю медленно продвигающееся орудие. Оказывается, в пути приходилось несколько раз останавливаться из-за различных неисправностей. Я еще поторопил товарищей, сопровождавших орудие. Несколько дальше мне встретились отряды моряков и кольтистов, направлявшихся тоже к училищу. Во дворе крепости,

окруженный большой толпой солдат, стоял броневик «Ярослав». Вблизи он казался еще более избитым пулями, чем давеча. В некоторых местах броня была погнута и в двух или трех даже пробита насквозь; на земле возле броневика виднелись следы крови. Ко мне, протискиваясь сквозь толпу, подошел тов. Павлуновский и сообщил, что пулеметчик, работавший на заднем пулемете, убит, причем пуля попала ему в глаз и вышла навывлет. Подробности боя броневика с юнкерами, с его слов, примерно рисовались так.

Броневик быстро подошел к училищу и двинулся вдоль фасада. Много юнкеров толпилось на улице и смотрело в окна; подошедший броневик они приняли за свой и с большой радостью приветствовали криками и взмахами платков (белый броневик, по плану восстания, должен был прибыть действительно на подкрепление к владимирцам). Павлуновский уже собирался предъявить юнкерам ультиматум, как вдруг часть из юнкеров заподозрила неладное и бросилась бежать, другие открыли беспорядочный огонь. В свою очередь, броневик не остался в долгу и почти в упор начал стрелять вдоль по Неве и по окнам училища. Начался невообразимый кавардак, и прошло достаточно времени, прежде чем юнкера опомнились и начали оказывать сопротивление. Сопротивление было довольно стойкое. По словам Павлуновского и шофёров, огонь был настолько сосредоточен, что броня разогрелась под действием града пуль, сыпавшихся на нее. Если добавить к этому непрочность брони (броневик был довольно стар) и то, что у юнкеров оказались бронебойные пули, то положение наших товарищей было далеко не важное. Однако бой продолжался. Одной из бронебойных пуль была пробита броня, но, к счастью, пуля потеряла силу и лишь слегка ушибла шофёра. Другие пули попали в пулеметное отверстие, ранили в глаз навывлет пулеметчика, который грузно опустился вниз на сидевших там, залив их кровью. Пулемет замолчал, а среди наших товарищей произошло временное замешательство, так что броневик прекратил на несколько секунд огонь.

Юнкера закричали «ура» и бросились к броневiku. Пришлось отойти. В этот момент мы как раз прибыли к училищу, повстречавшись с отходившим броневиком. Мы кратко передали Павлуновскому, как обстоит дело.

Даю несколько указаний Павлову по охране крепости и наблюдению за дворцом Кшесинской, информирую Смольный и отправляюсь назад к Владимирскому училищу. Павлуновский снова садится на броневик, где место убитого товарища занимает какой-то новый охотник-кольтист, и тоже едет вслед за нами. Положение за время нашего отсутствия не изменилось, попрежнему идет перестрелка. Броневик дается задание поддерживать цепь и, курсируя вдоль фасада училища, вести огонь по окнам. Павлуновский занялся установкой уже прибывшего на место орудия, причем подвез его буквально в упор к углу училища со стороны переулочка (сажен на десять). Юнкера заметили маневр, открыли сильный огонь по орудию и пытались даже сделать вылазку, но были легко отогнаны огнем броневика и нашей цепью. Часть пулеметных пуль с визгом ударялась о щит и дуло орудия, пролетая роем над головой Павлуновского и товарищей, работавших с ним. Без всякого прикрытия Павлуновский смело расхаживал вокруг орудия, не обращая никакого внимания на пули, и наводил орудие на ближайшее окно, откуда особенно назойливо стреляли юнкера.

Наша цепь, вопреки правилам, осталась далеко позади орудия и должна была прекратить огонь из боязни попасть в своих. Все напряженно следили за работой товарищей у орудия. На улице на время установилась тишина, прерываемая лишь трескотней выстрелов со стороны Владимирского училища. Вот, наконец, и всё готово. Посылаем в качестве парламентаря тов. Трегубовича с предложением сдаться в течение пятнадцати минут, в противном случае грозим орудийным огнем. Юнкера упорствуют. Начинаем обстрел. Артиллерист дергает за спуск, и первый выстрел рокошет. Снаряд попадает прямо в окно, выворачивает раму и рвется в комнате. За первым выстрелом следует второй, третий. На узкой улице пушечная пальба кажется оглушительной. Окна большого многоэтажного дома со страшным звоном валятся на камни мостовой, из некоторых окон показываются бледные лица насмерть перепуганных обывателей, валятся цветочные горшки. Через минуту всё скрывается.

Между тем к артиллерийским выстрелам присоединяется ружейная и пулеметная трескотня. Угол училища уже сильно пострадал, юнкера из этой половины пере-

брались в противоположную сторону и во внутренние комнаты; стрельба с их стороны заметно сокращается. Даю распоряжение привезти из крепости второе орудие и поставить его с другого конца училища. Приезжает тов. Скороходов, председатель Совета Петроградской стороны. Павловское училище, как я уже говорил раньше, всё время державшееся пассивно, но и не соглашавшееся сдать оружие нашим цепям, окружавшим его, очевидно испугавшееся орудийного огня, капитулирует. Новость о сдаче Павловского училища быстро облетает ряды осаждающих и дает приток новой энергии. Местами звучит громкое «ура». Второе орудие быстро прибывает и устанавливается на указанном месте.

В это время приезжает самокатчик и привозит мне сообщение Павлова о том, что ударники дворца Кшесинской собираются идти на помощь юнкерам и ударить нам в тыл. Мчусь в крепость. Громадные толпы стоят у ворот особняка Кшесинской. Выхожу из машины и смешиваюсь с толпой. Среди собравшихся вижу несколько знакомых лиц, товарищей из крепости; но основная масса — ударники и штатские в котелках и с тростями. Обсуждаются текущие события. Гром пушечной стрельбы встряхнул всех. Вслушиваюсь в разговоры. Ударники настроены против большевиков, некоторые открыто призывают взять оружие и «расправиться с большевиками и прекратить безобразие».

Им в тон радостно умиляются и шипят котелки. Спешу выбраться из толпы в крепость. Совместно с Жендзяном и Павловым решаем немедленно во что бы то ни стало разоружить ударников. Павлов вместе с Трегубовичем уже, однако, успешно выполнили роль парламентариев, идут во дворец с требованием о немедленной выдаче всего имеющегося у ударников оружия. Одновременно с этим по стене крепости в сторону дворца рассылаем цепь, а к мосту высылаем усиленный наряд кольтистов для разгона толпы. Увидя предпринимаемые нами шаги, толпа почти без всякого сопротивления, если не считать отдельных выкриков, быстро расходится. Джентльмены в штатском удирают в первую голову. Между тем посланные возвращаются из дворца и сообщают нам, что ударники отказываются сдать оружие, так как, по их словам, у них такового нет. Видно, что хотят нас перехитрить и отделаться.

Посылаем вторично, на этот раз с требованием допустить к тщательному осмотру дворца, в случае отказа угрожаем обстрелом. Угроза действует. Выбираем человек 25 кольтистов и во главе с Павловым отправляемся для осмотра дворца. В подвалах обнаруживаем большое количество гранат, винтовок и патронов, а на чердаке пулемет. Командир ударников с наивным видом заявляет нам, что он совсем не знал о существовании найденного оружия. Всё найденное отбираем и отправляем в арсенал крепости. Ударники сразу притихают. Объявляем им, чтобы, во избежание всяких недоразумений, они не показывались на улице до полной ликвидации мятежа. Надзор за выполнением этого распоряжения возлагаем на нашу заставу. Между тем Владимирское училище сдается. Орудийный огонь, сдача павловцев и потери, которые юнкера понесли, не могли не сказаться. За несколько минут до сдачи начальник Владимирского училища и его помощник, сняв офицерские погоны, пытаются пройти через нашу цепь, но их задерживают и доставляют в крепость, где им немедленно отводится соответствующее помещение в Трубецком бастионе. Перелом в нашу сторону наступил везде. Со всех концов поступают сведения о ликвидации мятежа и разоружении ненадежных юнкерских и казачьих частей. Толпы пленных юнкеров двигаются по Каменноостровскому; на грузовиках везут трофеи: оружие и продовольствие, взятые в училищах; всюду слышится радостный смех и веселые прибаутки. Вся эта масса направляется к крепости, исчезает в ее воротах и через минуту заливает крепостной двор. Такой несокрушимой мощью и верой в успех веет от этих пестрых народных рядов, среди которых теряются понурые кучки пленных юнкеров! Революция без труда смела их со своего пути. Хорошо чувствовали себя в эти светлые Октябрьские дни все честные граждане Петрограда. Призрак дождливого, неприветливого и старого октября навсегда исчез для них. Начиналась новая жизнь, и стальные мощные ряды вступили в нее с такой же уверенностью, как в гранитные арки ворот Петропавловской крепости.

